

Литературный СОКОЛ

Пылает душа, а огня не видать,
Взлетает перо, а не слышно.
Но если от строк рассветает тетрадь,
Знать, что-то хорошее вышло.

Александр РОМАНОВ

№7

→ СОБЫТИЯ И ДАТЫ

25 июля исполнилось бы 85 лет выдающемуся русскому писателю и кинематографисту **Василию Шукшину**. В Белозерске к этой дате был приурочен IV областной фестиваль социального документального кино «Человек в кадре», собравший кинематографистов из разных уголков Вологодчины. Кроме того, в Белозерске открыли памятный камень, посвящённый Василию Шукшину и фильму «Калина красная».

Лаврентьевские чтения, посвящённые писателю **Мануилу Свистанову**, прошли в Междуреченском районе. Среди гостей, приехавших в деревню Лаврентьево, были вдова поэта Ольга Свистановна и исполнительница песен Татьяна Короткова. Член Союза писателей России Михаил Свистанов известен как автор книг «Как перейти поле» (1986), «Спаси и помилуй, или Похвала трезвости» (1992), «Под северным грозным сияньем» (1999) и других.

В Усть-Кубинском районе состоялась презентация сборника «Память сердца», посвящённого поэту **Виктору Короткаеву**. В роли составителя выступил Юрий Стригин. На презентацию пришли поклонники творчества Виктора Вениаминовича, его родные, а также творческие коллективы. Среди гостей была и сокольская студия авторской песни «Доверие», в репертуаре которой несколько песен на слова Виктора Короткаева.

Земля и земляки

(на родине Александра Романова)

Петряево принимает многочисленных гостей.

ПРОСЁЛОЧНЫЕ дороги! Если бы они только умели говорить, эти молчаливые свидетели людских судеб... Похожено-поезжено по этим извилистым и колеистым суглинкам, так и норовящим пленить кирзовые сапоги или колёса автомашин, - много и долго. Кажется, не властны годы над этими дорогами. Хотя проходящих и проезжающих всё меньше - доживает деревня свой век, глядя на редкого странника пустыми глазницами окон почерневших от времени домов. Свалятся скоро они, эти дома, - сложат зазря голову в некошеную траву. Что же ты делаешь с нами, время?..

До деревни Петряево - малой родины поэта Александра Романова - вроде недалеко: всего шесть километров от центральной усадьбы. Но километры эти могут растянуться на полдня, а то и больше, если накануне прошли сильные дожди. Нам повезло: погода хоть и не баловала солнцем, но и дождливыми тучами не страдала. Поэтому ничто не мешало с мыслями-думами прошагать эти версты теми просёлками, где с самого детства ходил поэт.

Непривычно чувствовать себя туристом в обычной сельской глубинке, но, к стыду своему, убеждаюсь, что именно этот статус подходит мне больше всего. Обнаруживаю, что многие вещи, события, явления воспринимаются мной как отголосок далёких лет, как символ эпохи, а не как что-то живое, сиюминутное, действенное. Как музейная прялка: глядеть интересно, а прясть не хочется. Незаменимая ведь когда-то вещь была! А

«Без родной деревни не было бы меня, вот такого, какой я есть сегодня. Деревня дала мне имя и отчество, основала разум и душу, преподавала уроки доброты и сказала: иди в жизнь, будь трудолюбивым и всегда помни, откуда ты родом.

Без своей деревни я, возможно, не понял бы так сокровенно и не полюбил бы так тревожно свою Россию.

Петряево дано мне судьбою для пожизненного испытания моей верности Родине».

Александр РОМАНОВ

теперь - экспонат. Такими же экспонатами стали для многих «бабки» для отбивки кос, чугунки и даже самовары. Да и народные сарафаны на нынешних женщинах смотрятся стилизованно - как листок давнишнего календаря. Время необратимо.

Пожалуй, лучшим путеводителем (раз уж я в статусе туриста) по этим местам будут светлые книги Александра Романова. В его стихах, поэмах, статьях и очерках поднимается в полный рост деревянная Корбанга - земля отцов и дедов. Читаешь порой Романова и удивляешься: с почти фотографической точностью, под-

купающей простотой и в то же время - живой образностью переместилась под корешок книжек эта округа. Поднимаешься на холм и видишь - внизу, в ивняках, по-змеиному извиваясь, бежит речка. И память услужливо подсказывает романовские строки:

Пришел я поклониться
Тебе, река Двиница...

Чуть вдалеке выделяются могучие кроны вековых лип - это Горка, бывшая барская усадьба, знаменитая тем, что здесь у своей тётушки гостил писатель-народник Павел Засодимский. Много лет спустя школьный друг Александра Романова краевед Николай Паутов основал здесь народный музей.

Нет не зря в душевном рвенье,
Не жалея дней и сил,
Все окрестные деревни
Собиратель исходил.

Твёрдо был уверен Романов: «Не зря». Но судьба усадьбы-музея сложилась трагично. Всё, что было собрано по крупицам, попало в руки вандалов, которые не пощадили даже оконные рамы. И сейчас дом (вернее то, что от него осталось) угрожающе висится среди запущенного парка, невольно напоминая нам о былой жизни. Хочется верить, что усадьба (являющаяся, кстати, объектом культурного наследия регионального значения) обретёт когда-нибудь хозяина.

(Окончание на 4-й и 5-й стр.)

Александр РОМАНОВ

Родная местность (Корбанга)

Земли-то, собственно, кружок,
Обвитый синим лесом.
Река бежит наискосок
Под ивовым навесом.
Деревни тянутся к реке
От ягодной опушки.
И белый камень вдалеке
Разрушенной церквушки.
Всех тропок, всех дорог витьё
Пройти и дня хватало,
Но насмотреться на неё
И целой жизни мало.

Копылово

Павлу Красильникову

Деревенька Копылово
Невелика, но цела.
Клевера кипят лилово,
В каждой маковке пчела.
Крыши в тёплой позолоте,
Дух коровий по дворам.
Словно лебеди на взлёте,
В избах крестовины рам.
Сорок окон расцветают.
Значит, сорок лебедей
Никуда не улетают,
А живут среди людей...
Где-то стройки, где-то громы,
Где-то блещут города.
Ну, а здесь, как дождик

скромный,

Только льются провода.
Да под вечер вновь заварен,
Хоть зайди и невзначай,
Добрый русским самоваром
Золотой грузинский чай.
Да с водой холодной в вёдрах
Тарки стыннут глубоко,
Чтобы в них дышало бодро
Ледяное молоко.
Да с крылечка до колодца
Перед сном, светло пока,
Вновь задумчивые кольца
Папиросного дымка.
Жить и жить бы без тревоги
С тишиной наедине.
Но поди ж ты... Думы долги
В слишком тихой тишине.
Что-то в старости не спится,
А у молодости сны
Рвутся в дали, как зарницы
Незнакомой стороны.

Река Двиница

Пришёл я поклониться
Тебе, река Двиница,
И посидеть у плёса
Наедине с тобой.
Ты, вроде, мельче стала,
Ольхой позарастала,
Но всё петляешь, словно
Просёлок голубой.

Пожалуйста, припомни,
Как ты, да лес, да поле
Нам первые уроки
Давали в те года.
Когда осоки заросль
Нам водяным казалась
И рыбкой золотою -
На дне твоём звезда.

Ты понимать учила
Крутых порогов силу
И чистые глубины
Ценить и постигать.
Любить рассветов свежесть,
Полей родных безбрежность
И в омуты глухие
Не трусить заплывать.

Об этом ты немало
Волною напевала,
Осокою звенела
По тихим берегам,
Мол, пригодится это,
Ребята, вам на свете...
И верно, пригодилось
Всё это в жизни нам!

Родина

Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск
берёз...
Всё, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.

Родина - одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит и врачует,
Чтоб до смерти сердцем
не скудеть.

Петряевская улица.

Сын поэта Алекс

(Начало на 3-й стр.)

КОПЫЛОВО, Сукманица, Курья - все эти деревни есть в книгах Романова. Многие здесь изменилось - обезлюдела округа. Трава везде в половину человеческого роста. «Такие покосы. Вот раньше бы...», - сокрушённо вздыхает кое-кто из городских жителей, выходцев из деревни. Всё-таки крепко сидят в русском человеке крестьянские корни, не истребили их годы безвременья. Но деревни, если и остаются, то превращаются постепенно в дачные посёлки, которые обустроивают эти самые городские (в прошлом - сельские) жители.

Вот деревня Большие Ивановские. Когда-то, по-видимому, она вполне оправдывала своё название, будучи многочисленной. Но теперь, как и тысячи других, смиренно ждёт своего последнего часа. Может быть, я спущу краски? И на самом деле всё не так плачевно? Но местные жители и дачники подтверждают мои самые грустные мысли.

Вологжанка Галина Смирнова приезжает сюда, на родину мужа, каждое лето. Не бросает семья родовое гнездо. И всякий раз повсеместное запустение не даёт покоя русской душе Галины Юрьевны. И она пытается выразить свой протест в стихах, которые сама называет «актуально-ругательными»:

...Покосились дома,
Чапарыжник у гумна.
Заросли травой поля,
Не берёт их даже тля,
Гниёт в центре магазин...

...И после риторически-хлесткой концовки срывается вздох:

Неужели в этой жизни
И останется всё так?

- Что же, Галина Юрьевна, вообще ничего не сохранилось?
- ...Одна библиотека.

И здесь нужна поправка: библиотека с недавних пор поменяла статус и именуется теперь пунктом выдачи книг. Читателей мало.

Нет, кое-что всё-таки ещё сохранилось. Посреди Больших Ивановских высится здание бывшей начальной школы, куда много лет назад ходил Александр Романов. Ребятишки из шести окрестных деревень здесь постигали азы первых наук. Школа эта, как писал поэт, славилась «грамотностью учеников, их прилежанием в огородничестве, в садоводстве». Не случайно преподавателю Василию Васильевичу Зайцеву было присвоено звание Заслуженного учителя России. В очерке «Первый учитель» Александр Рома-

Дорога в родные края.

В Петряево - с гармош

нов так написал о нём: «Ни один человек, родившийся здесь, не миновал его доброго участия. В тысячах людских судеб завязано его имя».

Но если раньше школа, по воспоминаниям Александра Романова, «розовела окнами», то теперь сиротливо чернеет, напоминая бывшим ученикам о годах далёкого детства. Поднимаешься по крутой лестнице наверх и попадаешь в небольшое помещения, когда-то - классы. Здесь, к всеобщему удивлению, сохранились парты и даже школьная доска. Как будто и не было столько десятилетий! Вычисти всё, отремонтируй и вновь принимай ребятишек. Да вот беда: учить некого. И снова тяжёлые мысли чёрными тучами подступают со всех сторон.

НО вот, наконец, и Петряево - «всего-навсего берёзовый взрывок среди тысячевёрстных вологодских лесов». Обычная северная деревня, расположенная буквой «П». Дома один под стать другому - старые, но ещё крепкие дедовские пятистенки. Есть и архитектурные шедевры с резными фасадами и наличниками. Вот, например, дом Василия Романова, родного дяди поэта. Василий Александрович - участник двух войн, который со своей пушкой прошёл по одним и тем же местам обе войны. И остался жив, вернулся домой в отличие от многих односельчан.

Великая Отечественная серьёзно подкосила Петряево, тяжело поднималась деревня. Об этом - очерк Александра Романова «Подвиг русских деревень». В нём, датированном 1985 годом, есть такие слова: «И дивлюсь я теперь тому, как смогли они, скажем, в нашем колхозе не запустить в годы войны под бурьян и кустарники ни одной сотки пахотной земли, ни одного клочка пойменных сенокосов». И венчающая очерк фраза воспринимается как назидание потомкам: «Ну, разве можно так неграмотно жить?»

Сейчас на дворе 2014-й, а рачительности не прибавилось. «Время другое», - скажут иные. «Люди другие», - отвечу я.

А те, что остались из того поколения, как последние листья на осеннем дереве: ещё держатся, но скоро оборвутся под порывистым ветром судьбы... В Петряево постоянных жителей и десятка не наберётся.

Манефа Тихомирова - соседка Александра Романова, его однокласска и одноклассница.

- У нас Саша был в школе отличник, - вспоминает она. - И сосед был прекрасный. Матери его Александре Ивановне одной доставалось: троих детей надо было накормить, одеть. Она вырастила их, гордилась ими. А Саша приезжал сюда часто: и один, и с приятелями...

- У Романова есть очерк «Божатка Манефа». Не о Вас?

- Нет, божатка Манефа - жена дяди Романова - Василия Александровича. Он про неё писал. И про мою маму писал. Она жила с ней. Бывало, позвонит: «Павла Арсеньевна, приходи погуляй». Разговаривает с мамой упреждающе: Ты, мама, мне навряд ли ему, а то напиши».

(Образ Павлы обобщён Романовым в одноимённой поэме «А наш разговор с Манефой колаевной уходит в русло наших житейских проблем. Полюй, главная из них - дорога».)

- Заболей кто - ни за что «рой» не выбраться. Доедут дорьби - а там в грязи потоки Фельдшеру пешком за несколько километров бегать неблизко. Когда не стало Романова, нам предлагали сделать дорогу. И до сих пор делают. Ни «скорой», ни авто не проехать. Вот такая жизнь».

...Но вот и место назначенное «не особняк, не крепость и башня, а златостенный деревенский дом». Гранитная памятная доска человеку несведущему общает: «Здесь родился, жил и работал русский поэт А.А. Романов». Именно работал. В Петряево написаны десятки стихотворений. Вообще дом в творчестве поэта не просто символ крестьянской России, а источник качеств русского человека: работяги, отзывчивости, бескорытия... Сколько их, талантливых деревенских ребят, упорных и кропотливым трудом проделавших себе дорогу! Мало кто знает

Л. Калинина (Воробьёвский ДК).

Здание бывшей начальной школы в деревне Большие Ивановские.

ЗЕМЛЯКИ

Тихомирова.

Александра Сухарева, Алевтина Зайцева - односельчанки поэта.

Река Двиница.

ер, такой факт: родной брат Павел Александрович стал профессором, доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии СССР. Поэт, если в честь каждого имею земляка открывать памятник, на каждой второй избе ставился бы чёрный гранит с надписью «лауреат», «дипломат», «инженер», «учёный» и т.д. Об этом невольно думалось у венчато романовского села. Вспомнилась встреча с поэтом. Наплывали и другие мысли о нём. Как ни горько это звучало, но для той категории населения, которую принято именовать «широкими читательскими кругами», Романов преждем неизвестен. Ещё не было на филфаке педуниверситета, я с некоторым удивлением узнал, что имени поэта не было в практических никто из моих коллег-студентов. И впоследствии пришлось убедиться в том, что некоторые даже «проценные» читатели-воложа-

не и слыхом не слыхивали о таком поэте. Есть и другая грань проблемы. Пишущие о Романове нередко допускают ошибки. Например, в «Вологодской энциклопедии» (2006) я прочитал, что поэт похоронен на сельском кладбище в Петряеве (на самом деле - в с.Георгиевское). Тогда я не придавал большого значения этой биографической неточности. Не первая она и не последняя. (Согласно этому же изданию поэт Алексей Ганин, например, является уроженцем Кадниковского уезда, тогда как деревня Коншино, где он родился в 1893 году, относилась к территории Вологодского уезда). Но когда спустя несколько лет из книги супруги Романова Анастасии Александровны («Со мной ли это было?», 2013), узнал о множестве других неточностей (не только биографического характера) в различных статьях, то серьёзно задумался. В чем же причина? Вероятно, в элементарной небрежности, в поверхно-

стном взгляде на творчество Александра Романова, а может даже - в нежелании рассматривать его как самостоятельную фигуру в русской литературе, спрятавшись за расхожими формулировками «один из славной плеяды», «вместе с другими выразил» и т.д. А может быть, сборников не хватает, источников? Нет, здесь всё в порядке: уже после смерти поэта вышло несколько книг. Причём, не тоненьких брошюр, а серьёзных изданий - с предисловиями, комментариями...

ЗДЕСЬ, на малой родине поэта, по крупицам собирают всё, что связано с его жизнью и творчеством. Земляки помнят. К счастью, есть в русской глубинке ещё подвижники культуры, способные влиять на духовный мир сельских жителей и шире - изменять действительность к лучшему. Среди таких подвижников - землячка поэта Ирина Пауто-

ва. Современная молодёжь назвала бы её на английский манер волонтером. В прошлом Ирина Павловна заведовала сельской библиотекой, сейчас - на пенсии. Но это обстоятельство не мешает ей на общественных началах продолжать кропотливую краеведческую работу, нести людям светлое творчество Александра Романова. Во многом благодаря усилиям Ирины Павловны вот уже пятнадцать раз на малой родине поэта прошли «Романовские чтения». Конечно, чтения - это, может быть, громко сказано. Здесь нет пленарных заседаний с научными докладами, земляки и гости просто вспоминают человека и поэта.

Вот и в этом году корбангская земля принимала гостей. Пусть их насчитывалось не так много, но у каждого из них был «свой Романов»: воспоминания, как и полагаются в таких случаях, то уходило в далёкие годы детства, то приближало к современности, то тревожило, то давали повод посмеяться. Было всё: и стихи, и песни, и уха из двиницкой рыбы. Волеяневолей наплывали строки из романовского «Пятистенка»:

**Приходите друзья, приезжайте
Ради светлости дня.**

И впечатление, что поэт где-то рядом, не покидало ни на минуту. Да и как ему не быть рядом, если в его Петряево приехало столько гостей?

И - что удивительно! - по крышам домов заскользили солнечные лучи: после недельного перерыва солнце спускалось к людям по крышам домов и кронам деревьев. Многие - понятно - увидели в этом символ, добрый знак. И это верно: Романов - поэт солнечный.

И расставание с его земляками не стало печальным. Они вторили поэту:

Приходите друзья, приезжайте...

ОСТАЛИСЬ позади последние петряевские дома. Извилистая просёлочная дорога тёмной змейкой указывает путь обратно. Молчит дорога. Молчит и округа. И в этой тишине, наполненной терпким запахом некошенной травы, как-то особенно чувствуется зловещая неотвратимость уходящего...

**...Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!**

Но хочется верить, что уходит не безвозвратно, а чтоб вернуться... На светие холсты, на некошенные луга, на зарастающие бурьяном поля... Будем ждать этого возвращения.

Артём КУЛЯБИН

В гостях на Сукманице

Александр Тихоненкову

Не приходилось, не гостил
Я в золотой Сукманице,
И вот душа - ну нету сил -
Туда сегодня тянется.
Но никого там из родни,
Хотя места исконные,
Пожалуй, только лишь одни
Берёзы там знакомые.
К берёзам! Берегом иду,
А берег осыпается.
Вокруг деревни на виду,
А дальше всех Сукманица.
В залесяе клюквенном, глухом,
Как прибауток, вотчина,
Она поставлена на холм
И речкой оторочена.
Смешок плывёт от стариков:
Кто ходит на Сукманицу,
Тому за прыткость сто грехов -
Как не было - прощается.
А есть такие - как не быть, -
Кому бы на Сукманицу
Не раз, а десять раз сходить,
Но разве кто признается?
Нет, не признается вовек!
Не потому ль - по-вашему -
Сюда лишь редкий человек,
Как я, тропу налаживал?
Тропа, как жизнь, - то вверх,
то вниз,

Тяжёлая, осенняя.
Топина рядом. Оступись -
Ищи тогда спасения.
Потом река, а в ней вода
Калёная, кусается.
Я всё прошёл, и лишь тогда
Открылась мне Сукманица.
На золотистой крутизне,
Как вышивка на поясе,
Изба к избе, изба к избе -
Аж и моргнуть-то боязно.
Вдруг пропадут, - моргнёшь -
и нет:

Настолько стародавние!
От стен - янтарный тёплый свет,
От окон - холоданье.
Крылечки тут, калитки тут
С узорами-заветами.
Какие тайны стерегут?
Какие были ведают?
И ни души. Покой! Но вдруг
Калиткой, слышу, щёлкнули.
Иду и вижу двух старух -
Какие краснощёкие!
«Дак воздух экой, - мне они
В ответ. - Ну, не утеха ли!
Да, здесь, голубчик, мы одни,
Да, все давно уехали!»
И чаем здесь, на берегу,
Меня старухи потчуют.
И я без них уж не могу
Представить землю отчую.

Дочери

Семье Сухаревых

Четыре дочери - чьи, видно.
Румянцем щёки залиты.
Сестра сестру не отодвинет,
А лишь добавит красоты!
Четыре дочери - невесты!
Какая стать! И всё живей
Взгляд родниковый, взор
небесный
Под чёрным росчерком бровей.
В них материнская пригожесть.
Стоит отец, мужик простой,
Дивясь, робяя и тревожась
Перед дочерней красотой.
Четыре дочери - загадки.
Что станет с ними в смене лет?...
То вспыхнет, то погаснет
краткий
Огонь родительских примет.

Смотрю опять...

Смотрю опять, как в синеве
дремотной
Окошки проступают всё жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно
вьётся
И как ведро по холоду плывёт
Весёлое - до самого колодца,
Спокойное - обратно до ворот.
Мать окликает у крыльца
кого-то,
Спешит навстречу в тихой
полумгле.
Простые каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.